

— Жетон Тяньюэ — это всего лишь легенда. — Юнь Жань почувствовала себя немного лучше, приподнялась и села:

— Ты же не думаешь, что с помощью какого-то предмета можно управлять Павильоном Тяньюэ? Это же Павильон Тяньюэ, самая известная организация в мире боевых искусств. Разве можно просто взять что-то золотое или нефритовое и заставить Павильон Тяньюэ преклониться? Это даже смешно.

— Но... — Гу Чэнь тоже нашла это забавным и рассмеялась:

— Но в мире боевых искусств говорят, что тот, кто обладает жетоном Тяньюэ, может приказывать героям.

— Ну, это больше для рекламы. — Юнь Жань серьезно ответила:

— Когда моя мама основала Павильон Тяньюэ, многие в мире боевых искусств не принимали ее, часто устраивали провокации. Но каждый раз моя мама или другие старшие члены Павильона Тяньюэ подавляли их, и они не могли ничего сделать. Со временем в мире боевых искусств стали говорить, что у Павильона Тяньюэ есть жетон Тяньюэ, который может приказывать героям и так далее. Это был удобный предлог для тех, кто не мог победить мою маму. Все согласились с этим и возвысили этот вымышленный жетон. Моей маме это очень понравилось, и она заказала изготовление партии нефритовых жетонов, которые раздала каждому ученику Павильона Тяньюэ. Это был символ принадлежности, и владельцы жетонов получали скидку двадцать процентов во всех магазинах и ресторанах Павильона Тяньюэ, как внутренняя привилегия для своих.

Золотой жетон в руке был тяжелым. Гу Чэнь смотрела на Юнь Жань с ее довольным видом и совершенно не знала, что сказать. Она всего лишь с помощью нескольких слов обманула императора, передав ему жетон Тяньюэ, который был у каждого ученика Павильона, и император даже не усомнился.

— Ты не боишься, что он узнает? — Гу Чэнь все еще волновалась.

— Узнает? Нет. — Юнь Жань уверенно покачала головой:

— Легенда о жетоне Тяньюэ существует уже слишком долго и слишком глубоко укоренилась. Даже ученики Павильона, у каждого из которых есть жетон Тяньюэ, искренне верят в его существование. Он, как высокопоставленный император, всегда относится к легендам мира боевых искусств с позиции «лучше поверить, чем не поверить». Почему бы ему не поверить?

— Кроме того, коробка и нефритовый жетон, который я ему дала, не были обычными вещами. — Юнь Жань немного пожалела об этом. Она заранее предвидела, что может дойти до этого, и подготовила жетон заранее, потратив на это большие деньги!

— Этот нефрит — древний. Цин Луань купила его за восемьсот лян у антиквара. И коробка. — Юнь Жань немного грустила:

— Эта коробка действительно была наследством моей матери.

— А это? Что это? Почему оно золотое? — Гу Чэнь, увидев, что Юнь Жань немного опечалилась, быстро сменила тему, чтобы не погружать ее в воспоминания. Старшая принцесса умерла много лет назад, и Юнь Жань никогда не видела свою мать. Теперь ей приходится отдавать даже ее наследство. Это было тяжело.

— Это тоже жетон Таньюэ. — Юнь Жань взяла золотой жетон с изображением полумесяца и с гордостью сказала Гу Чэнь:

— Это единственный специально изготовленный жетон Таньюэ, созданный специально для моей матери. Вот, теперь он твой, Гу Чэнь. Теперь ты должна служить Павильону Таньюэ изо всех сил.

Гу Чэнь была немного ошарашена. Услышав историю жетона Таньюэ, она почувствовала сильное разочарование и сомнение в этом единственном специальном жетоне:

— Так что же он делает?

— Он сделан из чистейшего золота. — Юнь Жань посмотрела на Гу Чэнь с укором, как будто упрекая ее в невежестве:

— С этим жетоном ты можешь получать все бесплатно в любом магазине или ресторане Павильона Таньюэ, а также пользоваться статусом почетного гостя. Если тебе не хватает денег, просто возьми его в любую меняльную лавку и получи столько, сколько нужно! Это просто незаменимая вещь для путешествий. Ты должна беречь его, поняла?

Гу Чэнь машинально кивнула, но затем задала вопрос:

— А если это не магазин Павильона Таньюэ?

— Ты... — Юнь Жань хотела что-то сказать, но остановилась, смотря на Гу Чэнь с усталостью:

— Разве я не сказала, что это чистое золото? Ты не можешь просто обменять его на деньги? После обмена его вернут мне. Разве ты не умеешь тратить золото? Как ты можешь быть такой глупой! — Она легким движением бросила жетон Гу Чэнь, как будто бросала свадебный букет.

Гу Чэнь улыбнулась и спрятала жетон за пазухой:

— Тогда хорошо, теперь мне даже не нужно брать с собой серебро. Еда, напитки и развлечения — все за счет главы Павильона, хорошо?

— Следуя за мной, ты не останешься без выгоды. — Юнь Жань нарочно приняла вид победителя, и они обе рассмеялись.

Июнь, дорога, аромат жасмина.

Ее тонкие пальцы уже тянулись к занавеске, чтобы приподнять ее, но кто-то остановил ее руку. Юнь Жань с недовольством слегка ударила Гу Чэнь, смесь кокетства и упрека в ее действиях:

— Я чувствую запах жасмина, это жасмин?

— Нет. — Гу Чэнь серьезно солгала, подавая Юнь Жань подогретую чашку с лекарством:

— Тебе пора пить лекарство.

— Не хочу, хочу посмотреть на жасмин. — Юнь Жань, покинувшая столицу, казалась немного другой. Гу Чэнь заметила, что она стала более капризной и живой. Это было хорошо, она стала похожа на восемнадцатилетнюю девушку, полную жизни и интереса.

Но нельзя же каждый раз, когда она что-то видит, тут же высовываться из повозки! С момента выхода из столицы она смотрела на уличных торговцев, на собак, гоняющихся за курами, на зеленые листья и поля. Если она видела что-то новое, то требовала объяснений, и даже после объяснений не понимала, но не сдавалась, а просто смотрела на тебя своими большими невинными глазами. Что Гу Чэнь могла сделать?

За эти три-четыре дня Гу Чэнь действительно устала. Сначала она жалела эту девушку, которая никогда не выезжала из дома и не видела мира. Когда Юнь Жань говорила, что хочет что-то посмотреть, Гу Чэнь не отказывала, старательно объясняя, чтобы Юнь Жань улыбнулась. Но постепенно Гу Чэнь начала уставать. Попробуйте объяснить, что такое колос пшеницы, восемьсот раз, от посадки до сбора урожая и превращения в зерно, а потом эта девушка поворачивается и, указывая на золотое пшеничное поле, спрашивает, почему оно такое красивое и для чего оно нужно.

Юнь Жань, прислонившись к стене повозки, молча боролась с Гу Чэнь. Видя, что Гу Чэнь действительно ее игнорирует, она смягчила тон:

— Я просто хочу посмотреть на жасмин, обещаю, не выйду из повозки! Я никогда не видела настоящего жасмина, только ароматические палочки. Разве натуральный аромат цветов не лучше? Гу Чэнь, Гу Чэнь, давай остановимся ненадолго, совсем чуть-чуть, хорошо?

— Ты же сказала, что не выйдешь из повозки? — Гу Чэнь бросила ей плащ и приподняла занавеску:

— Смотри отсюда.

— Так не видно. — Юнь Жань не могла усидеть на месте, дергая Гу Чэнь за рукав.

— Юнь Жань! Княжна! Глава Павильона! — Гу Чэнь, сменив три обращения, взяла чашку с лекарством:

— Вчера утром я уже собирала для тебя жасмин, а сегодня утром эти цветы уже выбросили. Если у тебя плохая память, я пропишу тебе лекарство, чтобы вылечить и это, чтобы мне не пришлось возвращаться в Долину Лекарств и снова приезжать по твоему вызову. Сколько хлопот!

Выражение лица Юнь Жань на мгновение изменилось, но она быстро скрыла это, с улыбкой приняв чашку с лекарством:

— Ну что ты, это же просто лекарство, зачем так злиться? Все врачи такие, заставляют пациентов пить лекарства? Это плохая привычка. Мы, хорошие пациенты, никогда не нуждаемся в том, чтобы нас заставляли пить лекарства, мы пьем сами.

— Правда? — Гу Чэнь едва сдерживала улыбку. Кто же это только что придумывал разные отговорки, чтобы не пить лекарство?

— Конечно. — Юнь Жань выпила лекарство до дна, а затем с гримасой попросила у Гу Чэнь сладостей.

Сладость во рту, Юнь Жань закрыла глаза, прислонившись к мягкой подушке. В ее сердце была пустота, не было опоры. «Действительно ли она хотела посмотреть на эти цветы и травы, на всякую мелочь?» Юнь Жань знала, что это не так. Она просто хотела видеть, как Гу Чэнь подчиняется ей, несмотря на свое нежелание, как Гу Чэнь, даже с недовольным лицом,

выполняет ее просьбы.

Юнь Жань прижала руку к груди. В ее сердце была дыра, через которую непрерывно дул холодный ветер.

<http://bllate.org/book/16781/1543158>